

МОТИВ ДОЛИ В БЕЛОРУССКОЙ ПЕСЕННОЙ ЛИРИКЕ

В белорусской народной лирике *мотив доли* присутствует в двух её разностадиальных пластах – песнях обрядовых и необрядовых. Эти группы песен сформировались в разное время и, соответственно, опирались на разную мировоззренческую основу. Обрядовые песни ориентированы на мифологические представления о высшей силе, дарующей человеку долю или лишаящей её. Их ритуальное содержание – испрашивание и заклинание доли, подкрепленное обрядовой атрибутикой и магическими действиями. Необрядовые песни возникли гораздо позже как лирическая реакция личности на проблемы экзистенциального плана. Их содержание представляет собой поэтически оформленную эмоциональную рефлексию лирического «я» над его положением в мире, семье, социуме.

Необрядовая лирика заимствует *мифологему доли* из предшествующих ей обрядовых песен и, сохраняя её доминантное мифологическое ядро, использует для того, чтобы через апелляцию к возможному – счастливой, хорошей, идеальной доле человека – создать образ персонажа, лишённого доли, не получившего её или наделенного долей несчастливой, злой, лихой. Таким образом, знаковыми понятиями необрядовых песен становятся соотносимые между собой понятия бездоля и несчастливой доли.

Жизнь человека обусловлена последовательными переходами от одного возрастного состояния к другому, от одного социального положения к другому. По мнению А. ван Геннепа, суть жизни состоит в последовательной смене этапов – переходов из одного состояния в другое; окончание одного этапа и начало другого образуют, по его мнению, системы одного порядка [А. ван Геннеп 2002]. Таковыми ученый считает рождение, достижение социальной зрелости, брак, повышение общественного положения, переход от одного рода деятельности к другому, смерть. «И каждое из этих явлений сопровождается церемониями, у которых одна и та же цель: обеспечить человеку переход из одного определенного состояния в другое, в свою очередь столь же определенное» [Там же, с. 9]. В данной связи следует отметить существенный момент: большинство обрядов перехода имеет общую цель – обеспечение субъекта долей, представления о которой относятся к числу самых древних. Для архаического человека доля имела вполне определенный смысл: это была та часть общего материального блага, которая ему выделялась прежде всего как пища и место. Во внутренней форме слова *доля* присутствует элемент как деления, так и выделенности. По данным этимологических словарей, белорусское слово *доля* родственна глаголу *делить* и пережило из менения значения от «части» к «судьбе» [Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. 2002, т.3, с.142], что безусловно, связано с особенностями мифологического мышления предков. Следует отметить, что с развитием религиозных представлений доля, с одной стороны, воспринимается как то, что дается человеку высшими инстанциями, с другой – переходит в разряд понятий, в-третьих, персонифицируется, приобретает качественные характеристики, становится полноправным действующим лицом в фольклорных произведениях.

Если развернуть белорусскую песенную лирику в соответствии с жизненным циклом человека и обрядами перехода, то выясняется, что песни, обращенные к доле, представляют ее в двух разных версиях – доли и недоли. Соответственно и персонажи лирических произведений делятся на две группы – вообще бездольных, т.е. лишенных права на долю, и тех, кто имеет долю (в данном случае не имеет значения, какая это доля, – хорошая или плохая).

Рассматривая весь континуум народной лирики по оси жизненного цикла человека и мотива доли, нетрудно заметить последовательное чередование ее фаз – хорошей доли и недоли.

В песнях, связанных с родильной обрядностью, народные представления о доле и судьбе отразились достаточно полно. Считалось, что каждый человек имеет свою, только ему предназначенную долю, определяющую его судьбу, благополучие или неблагополучие. Наделение долей при рождении чаще всего связывалось с матерью, которая мистическим образом, фактом своего материнства добывает ее. Вместе с тем по неясным причинам ребенок мог и не получить свою предназначенную ему долю или получить плохую. Отсутствие доли воспринимается как трагедия, ибо получается, что человека

ни за что, ещё при рождении, лишили неотъемлемого права на долю. Отсюда ряд обрядовых моментов магического обеспечения доли, например, связанных с делением «бабиной каши». Полагаем, что данное блюдо изначально предназначалось богам. Его готовила бабка, которая при родах перерезала пуповину. Обряд приготовления и деления «бабиной каши» имел целью заручиться поддержкой богов на «счастливую судьбу ребенка», верили, что бог оделит его доброй, счастливой судьбой.

С принятием христианства происходит естественное замещение язычнического бога, ответственного за долю ребенка, Господом Богом, и потому рядом с ним появляется женский персонаж – Богородица, которая в ответ на вопрос, *«якую долю даці етому дзіцяці»* озвучивает индивидуальную долю, напоминая в этой функции древних богинь судьбы.

Казалось бы, строго регламентированные родильные и крестильные обряды чётко нацелены на магическое обеспечение новорождённого именно хорошей долей. Но получается, что испрашивание доли ещё не означает её немедленного получения. Если присмотреться к молодежным календарным обрядам и их поэзии, то выясняется ещё один важный момент: собственная доля человеку до конца не известна. И опять через песни, теперь уже связанные с календарными обрядами, их исполнители озвучивают, тем самым магически обеспечивая её, счастливую долю парня и девушки: в данном случае она понимается однозначно – сватовство и свадьба, т.е. актуализируется именно та «венчальная» доля, которая присутствовала в крестильных пенях.

Но в необрядовой лирике, в частности в любовных песнях и песнях элегического плана, мотив доли трансформируется в мотив недоли. В них обычно слышатся нарекания на плохую долю или вообще на её полное отсутствие. Выясняется парадоксальная вещь: наперекор усилиям обеспечить новорождённому счастливую судьбу, от самого рождения за девушкой идет недоля, и она обращается с вопросами к матери, людям, Богу, почему ей при рождении не дали доли, как получилось, что она оказалась бездолейной. Особый аспект мотива недоли в элегических песнях – нерасположение Бога. Вместе с тем с помощью прозаичной песенной символики вина за потерю доли может возлагаться на саму девушку, её легкомысленное поведение, несовместимое с бытовой (гендерной) моралью. В песне «Стаіць верба над вадой» отмечается, что *«над рэчкаю над быстраю// Пасеяла дзеўка долю»* [Там же, с.139]. Характерно, что в сознании лирической героини происходит совмещение двух утрат – невинности и доли, причем доли нормативной, связанной с материальной стороной свадьбы – «пасагам». Возможность получить хорошую долю обрисовывается во время свадебных обрядов, начиная со сватовства. В свадебном обряде долю представляет конкретный обрядовый атрибут – каравай, типологически совместимый с «бабиной кашей» в родильно обряде. В песнях утверждается, что в середине каравая находится доля и счастье. Уже в процессе выпекания каравай родители

испрашивают своим детям долю. Когда каравай подходит в деже или находится в печи, его заклиняют расти выше печи, поскольку считалось, что от величины каравая зависела судьба молодых. После того, как каравай посадят на лопату, его запрещалось переделывать. В народе это поверье объясняется тем, что каравай выпекают «на долю», а доля даётся Богом один раз: поэтому, что Бог дал, то пусть и будет.

Следовательно, можно заметить, что за ликом доли как самостоятельной сущности в необрядовых песнях по-прежнему ощущается кто-то, от кого зависит наличие или отсутствие доли, ее, так сказать, качество и количество – Бога или матери. И хотя Бог сюжетно никому не дает доли, но здесь репрезентативно уже само его имя – «тот, кто наделяет долей».

В семейно-бытовых песнях доля реализуется в различных семантических значениях. Чаше всего доля замужней женщины несчастливая, поэтому встречаем такие эпитеты, характеризующие долю, как несчастливая, лихая горькая. Доля замужней женщины предстает в народных песнях как само горе, образ которого неотступно преследует её от самого рождения до смерти.

Рассмотрение семантики мотива доли в континууме песенной лирики белорусов подтверждает высказанную Б.М. Путиловым мысль относительно значительной степени художественной традиционности фольклорного сознания, основанного на «художественно-гносеологических закономерностях, которые уходят своими корнями в глубокую древность и связаны с очень ранними формами познания действительности» [Путилов Б. 1976, с.183]. Вместе с тем, как можно было убедиться, фольклорное сознание при всей своей традиционности и консерватизме вовсе не статично. Опираясь традиционными образами, в частности, весьма древней мифологемой доли, оно постоянно производит «моделирующую работу в рамках социально-бытового опыта народа» [Там же, с.182], и в этом случае соотносит понятие доли с миром реальной действительности. Формирование пласта необрядовой лирики сопровождается созданием принципиально новой по сравнению с обрядовыми песнями концепции личности, находящейся в сложных отношениях со своей долей.

Таким образом, в квазисинхронии обрядовой и необрядовой лирики белорусов предстают две линии моделирующей работы фольклорного сознания: древняя идеалистическая, основанная на уверенности в возможность магического обеспечения человека хорошей долей, и новая, назовем её реалистической, базирующаяся на осмыслении и оценке явлений реальной действительности, где жизнь человека далека от добрых пожеланий, столь щедро высказанных во время семейных обрядов. Используя и семантически насыщая мотив доли, необрядовые песни находятся по отношению к обрядовым «в позиции известного противостояния» [Там же, с. 184], но вместе с тем являются и закономерным продолжением традиции.